# Этикет как средство управления двором во Франции и Испании в XVI–XVII вв.

**Сердов Дмитрий Юрьевич,** студент магистерской программы кафедры всеобщей истории и международных отношений Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, (Барнаул, Российская Федерация); e-mail: dmitrii151_98@mail.ru

*Аннотация*

На основе источников личного происхождения в статье проводится сравнительный анализ отдельных элементов придворного этикета при французском и испанском дворах в XVI–XVII вв., выявляются его общие и различные черты, отмечаются отличия. Автор высказывает предположение о возможном взаимовлиянии обоих дворов посредством брачно-династических отношений.

*Ключевые слова*: этикет, королевский двор, дворянство, репрезентация власти, регламент Генриха III, мадридский церемониал, Валуа, Бурбоны, Габсбурги

## Etiquette as Administration Tool at the Court in France and Spain in the XVIth–XVIIth Centuries

**Dmitriy Y. Serdov**, MA Student, Historical Research in Modern Scientific Knowledge Program, Department of General history and International Relations, Altay State University (Barnaul, Russian Federation); e-mail: dmitrii151_98@mail.ru

*Abstract*

Being the largest and concurrently competing powers in the XVI–XVII centuries, France and Spain presented the model of absolute monarchies of the early Modern times. One of the important features of the system of curial administration of the French and Spanish courts was the etiquette adopted and partly borrowed from the Burgundian court of the XV century.

Based on sources of private character, the article provides a comparative analysis of special elements of court etiquette at the French and Spanish courts in the XVIth–XVIIth centuries, identifies their common and specific features, and points out their differences. The author suggests a possible mutual influence of both courts through marriage-dynastic relations.

*Keywords:* Etiquette, Royal court, nobility, representation of power, Regulations of Henry III, Madrid ceremonial, Valois, Bourbons, Habsburgs

В период раннего Нового времени королевский двор являлся одним из главных институтов и одновременно ключевым местом репрезентации монаршей власти и могущества государства [14]. Если в Средние века двор монарха размещался в замке-крепости, выполнявшем в первую очередь защитную, оборонительную функцию, то с переходом от Средневековья к Новому времени эта необходимость осталась в прошлом и короли эпохи

Возрождения и времени Барокко уже начали выстраивать просторные и удобные жилища вместе с обязательными садово-парковыми ансамблями.

С первых десятилетий XVI в. европейские короли огромное внимание уделяли своему окружению, непосредственно связанному с публичным образом власти. Двор короля становится олицетворением королевского могущества: постоянно увеличивается численность придворных при короле, равно как и обслуживающего персонала, которых все сложнее было размещать в старых средневековых пространствах. Так, в XVI в. во Франции стали возводиться королевские замки нового типа (замки-резиденции), способные вместить сотни придворных и рассчитанные на усложнившийся церемониал и куриальную иерархию (Шамбор, Лувр, 1547–1550). Одновременно перестраивались старые королевские жилища (Фонтенбло, Блуа, Амбуаз) [11, с. 49].

Еще в XV в. эталоном двора, благодаря своему внешнему великолепию, считался двор бургундский. Современники называли его сокровищем или жемчужиной Запада, будучи поражены его рациональной организацией, функциональным разделением служб, политическими амбициями, культом института рыцарства — одного из наиболее ярких знаков уходящего средневекового западноевропейского мира, роскошью придворной жизни, причудливостью праздников [9, с. 121]. Известно, какое значение придавали герцоги Бургундские всему, что касалось придворной роскоши и самопрезентации. «После воинской славы двор, — пишет их историограф А. Шателен, — первое, к чему следует относиться с особым вниманием; содержать его в образцовом порядке и состоянии — важнейшее дело» [10, с. 75]. После бургундского в XVI–XVII вв. эталонами европейских дворов стали считаться дворы Франции и Испании, в какой-то мере его преемники.

Собственно, феномен королевского двора раннего Нового времени способствовал расцвету куриальных исследований, которые активно осуществляются ныне как в отечественной, так и зарубежной исторической науке. Их наличие и важность главным образом обусловлены тем, что двор, помимо вышеназванных функций, являлся главным социально-политическим институтом европейского государства XVI–XVII вв.

В свою очередь, неотъемлемым атрибутом любого европейского двора, а в особенности говоря о дворах Франции и Испании, был его этикет. Этикет вообще — это определенный ряд обязательных правил поведения и жестов в той или иной социальной структуре общества. В настоящей статье мы рассматриваем этикет как производную от церемониала, как важный системный элемент куриальной системы (systeme curiale), которая включает в себя не только структурные подразделения большого королевского двора (женский, детский, церковный и военный обслуживающий персонал, дипломатический корпус, аккредитованный при дворе, Парижский парламент и Королевский совет), но также общество двора, его иерархические и родственные связи, регламенты, определяющие обязанности каждого, кто служит при дворе.

Целью данной работы является сравнение особенностей куриального этикета на примере французского и испанского дворов в XVI–XVII вв., чтобы доказать или опровергнуть тезис об их различии или схожести. Мы хотели бы кратко проследить этапы развития этикета при этих дворах, рассмотрев его отдельные составляющие, и определить возможности влияния франко-испанских родственных связей на развитие этикета при обоих дворах.

Во Франции первой половины XVI в. было очевидно итальянское влияние, особенно после приезда из Флоренции будущей жены Генриха II Валуа Екатерины Медичи в 1533 г., и уже современники видели отличия в организации придворной жизни от испанской державы в части церемониальных норм, включая этикет и правила общения при дворе [14]. Однако уже со второй половины XVI в. доминирующим культурным влиянием в Европе стала обладать Испания, королевский двор которой по численности, строго-

сти этикета и церемониала считался образцовым вплоть до середины XVII в. [14, с. 107]. Мадридский церемониал, основывающийся на бургундском, но преобразованный под воздействием испанской культуры и национальных традиций, теперь уже сам стал оказывать влияние на сопредельные ему европейские дворы. Под воздействие попал и двор последних Валуа, о чем свидетельствует регламент Генриха III (1574–1589) от 1585 г., привнесший новые правила во французскую придворную жизнь. Например, Генрих III приказал устанавливать барьеры во время трапезы, разделяющие стол короля со столами приглашенных придворных, желая тем самым подчеркнуть величие монаршей персоны, ее недосягаемость, но в то же время доступность взору всех присутствующих и прочих любопытных. Собственно, эта традиция была характерна для испанского двора, в отличие от французского, где король всегда находился в центре внимания [3].

В своих мемуарах сестра Генриха III Маргарита де Валуа, королева Наваррская, вспоминая события 1577 г., год дипломатической поездки в испанскую Фландрию, отмечала, что во время официальной трапезы на приеме у испанцев она сидела рядом с наместником Хуаном Австрийским, отдельно от остальных приглашенных лиц, в то время как «пиршественный стол, за которым расположились дамы и сеньоры, отстоял на расстоянии трех шагов» [6, с. 112]. Помимо этого, Маргарита замечала существенную разницу в церемониальных нормах французского и испанского дворов: «Когда наступило утро, дон Хуан сопроводил нас послушать мессу, проходившую по испанскому обычаю с музыкальным сопровождением скрипок и корнетов». В то время как во Франции мессы проходили под хоровое пение и звучание органа [6, с. 112]. Наконец, ее внимание также привлек невиданный ею прежде ритуал коленопреклонения гофмейстера в момент передачи салфетки Хуану Австрийскому. В итоге Маргарита была вынуждена признать, что «порядок, в чем испанцы весьма преуспели» имеет свои преимущества [14, с. 111].

При Генрихе III также утвердилось еще одно новое правило, пришедшее из Испании, новое обращение к царствующей персоне — Ваше Величество (Votre Majesté). Если понятие Величества до Генриха III было некой аморфной идеей, то он воплотил ее на практике, став реальным создателем придворного церемониала. Церемонии, большие и малые, с избытком заполняли жизнь двора: это были бракосочетания членов королевской семьи и фаворитов короля, праздновавшиеся в резиденции монарха, крещения, пиршества, торжественные приемы послов и т. д. Причем прием иностранных послов, особенно испанских и английских, отличался особой помпезностью [13, с. 28]. Впрочем, испанцы тоже отнюдь не уступали французам.

В процессе реорганизации двора в финале гражданских войн новый король Генрих IV Бурбон (1589–1610) последовал примеру своего предшественника, восстановив структуру двора в соответствии с регламентом 1585 г. При нем продолжилось и испанское влияние. Так, в начале XVII в. самых знатных дворян по испанскому образцу все чаще стали называть «грандами». В свою очередь, сын Генриха IV Людовик XIII (1610–1643) был абсолютной противоположностью отца. Как свидетельствует его главный министр кардинал Ришелье в своем «Политическом завещании», «одним словом, при всем королевском дворе наблюдается такая неразбериха, что нет ни одного отдельного чина, коего бы она не коснулась» [7, с. 172]. Король, любивший проводить большую часть времени на охоте, не уделял должного внимания внешним формам куриальной репрезентации — пышным церемониям и этикету двора, в отличие от своих предшественников. Однако брачный союз короля с испанской принцессой Анной Австрийской (1615), заключенный по инициативе королевы-матери, вдовы Генриха IV Марии Медичи, и Филиппа III Габсбурга, отца Анны, во многом повлиял на характер придворной жизни. Пребывание Анны Австрийской во Франции (1615–1666) составило целую эпоху, которую можно назвать главным периодом испанского влияния на Францию [17]. Свита, сопровождавшая новую королеву,

была во вкусе испанского двора, самого помпезного, огромного и церемонного в Европе. Непривычно большие для французов расходы на содержание испанских дам королевы, которые «одевались как монашенки» (в черное платье без открытых вырезов), дали повод к их выдворению из Франции. Испанский костюм Анны Австрийской также был сшит по образцу габсбургского этикета для дома испанских королев [17, с. 113]. Свободолюбивый и отвыкший от строгостей французский двор не выдержал вторжения чуждого ему испанского этикета. Тем не менее Анна Австрийская, привыкшая к внушительной свите, как никто иной способствовала наполнению двора и своего дома знатными дамами, а также установила свои правила этикета. Согласно данным о свите Анны Австрийской в момент ее приезда во Францию, ее официально сопровождали 57 персон, 35 мужчин и 22 женщины, которые выполняли различные обязанности, находясь при ней почти неотлучно: в комнате-спальне (только дамы), в придворной церкви, в обеденной зале и т. д. [17, с. 114].

Наконец, уже Людовик XIV (1643–1715) во время своего самостоятельного правления (с 1661 г.) полностью восстановил церемониал Генриха III от 1585 г. Король, желавший строго регламентировать жизнь придворного общества, добавил к нему новые нормы этикета, т. е. правила обязательного поведения и дисциплины. Не меньше Генриха III, любившего порядок при своем дворе, Людовик XIV был внимателен к мелочам и оставил даже инструкцию о том, как правильно следует посещать версальские парки [16, с. 353]. Он был крайне требователен по отношению к вельможам, вынужденным находиться при дворе в силу своей (вполне заслуженной) репутации бывших и потенциальных мятежников, фрондеров. При этом придворным приходилось расставаться не только с политическими амбициями, но и с пространством личной жизни, получая взамен благосклонность абсолютного монарха, которому были известны все их семейные секреты [5, с. 470]. Во многом следуя политике последнего Валуа, исходя из своего репрезентативного образа, Людовик XIV особое внимание уделял формам обозначения дистанции между королем и подданными. Более того, как и Генрих III, создавший в 1578 г. Орден Святого Духа, Людовик XIV создает в 1693 г. Орден Святого Людовика. Вступление дворян в подобное элитарное и между тем закрытое общество считалось особо почетным, а самое главное, создавало мираж близости к персоне короля.

При этом нельзя однозначно утверждать об абсолютной идентичности придворной политики обоих королей, Генриха III и Людовика XIV. На наш взгляд, Людовик XIV добился более внушительных результатов с учетом того, что у него была возможность обратиться к опыту предшествующих монархов. По мнению отечественного историка М. А. Сидоренко, в придворной политике Людовика XIV было больше последовательности и продуманности, нежели в действиях последнего Валуа [9, с. 116]. Этикет давал королю, не забывшему о Фронде, инструмент подчинения знати. Самые знатные аристократы, имевшие должности в королевском доме, должны были являться ко двору и служить королю весь день, а именно при церемонии пробуждения, при церемонии отхода ко сну, во время трапез, богослужений, охоты, приемов и балов. Все придворные и гости двора в той или иной мере были вовлечены в придворные церемонии, будучи готовыми в любой момент ответить на обращенную к ним фразу короля.

Собственно, еще со времен Генриха III придворные ожидали короля начиная с пяти утра в аудиенц-зале — главном месте сбора элиты двора [14, с. 325]. Действительно, жизнь при дворе напоминала театр, где каждому этикетом была отведена определенная роль и каждый жил по сценарию «короля-солнце». В рамках подобного церемониала все, чем занимались придворные, сводилось к их непосредственному служению королю. Даже балы, проходившие по четвергам и воскресеньям, нельзя однозначно отнести к развлечениям, так как это скорее еще одна возможность показать себя и показаться на гла-

за королю [14, с. 351]. Соблюдение этикета, одежда, речь и, конечно, самопрезентация придворных — все было подчинено единому требованию коллективного признания. Как пишет Ж. Ревель, тело придворного наконец начинает соответствовать общественным ожиданиям благодаря духам, пудре, парику, но абсолютную доминанту внешнего вида лучше всего иллюстрирует такая телесная техника, как танец [5, с. 223]. К слову, фаворит короля Испании Филиппа IV (1621–1665) граф-герцог Оливарес при всех его личных амбициях понимал роль двора как политического института и организовал его также по принципу театра, где каждый играл свою роль [2, с. 197].

Вообще, при дворе Филиппа IV Габсбурга соблюдению строгого церемониала уделялось несравненно больше внимания, нежели во Франции. Испанский историк Р. Альтамира-и-Кревеа отмечает, что до прихода к власти Карла I (1516) при дворе католических королей не было даже строгого иерархического порядка, не говоря уже о церемониале и этикете [1, с. 236]. Однако уже в первые годы правления Карла I для дворянства была официально установлена надлежащая должностная субординация. Так, с 1520 г. достоинство «рикос омбрес» было окончательно отменено и официально заменено званием «гранда Испании» — дворянина высшего ранга, число которых ограничивалось двадцатью пятью; остальные знатные люди назывались просто титулованными лицами (titulos) и, кроме братьев короля, именовались родственниками монарха [1, с. 237]. При следующих испанских королях даже распорядок трапезы короля и королевы напоминал спектакль.

Король и королева обедали порознь, трапеза каждого проходила одинаково торжественно, хотя и со своими особенностями. Герцог де Сен-Симон по этому поводу в своих мемуарах пишет следующее: «Не знаю, кто и почему установил эти правила; в Испании инфанты во время торжественной церемонии имеют право в присутствии короля и королевы сидеть в кресле, обитом, правда, более скромной материей; однако за одним столом с ними они сидят лишь в семейному кругу, но никак не на публике» [8, с. 683]. Впрочем, схожее заимствование мы можем видеть как в Лувре, так и в Версале. Конечно, не без влияния двух испанских королев в лице матери Людовика XIV Анны Австрийской, имевшей на него большое влияние, и супруги Марии-Терезы Австрийской, хотя последняя, в отличие от королевы-матери, подобного влияния не имела. М. Дефурно, приводя в пример случай, когда Филипп IV, дабы не показать смех, спрятал лицо от маленькой инфанты, которая должна была впоследствии стать королевой Франции, утверждает, что в Испании монарх, даже когда он выступал в роли отца, боялся утратить серьезность, подобающую королевскому Величеству [4, с. 59]. Важно подчеркнуть, что это относится не только к одному Филиппу IV.

О схожести в поведении испанских королей пишет Сен-Симон, демонстрируя отношение преемника Филиппа IV, Карла II (1665–1700), к этикету: «Мессу король Испании слушал каждый день отдельно от принцев, своих братьев; без них принимал посетителей и выслушивал торжественные речи и приветствия; обедал он всегда один, а если они оказывались вместе на публике, то лишь когда все стояли; об этикете они могли забыть лишь в карете или же закрыв двери для посетителей и оставшись одни» [8, с. 683].

В отличие от своих испанских родственников, Людовик XIV хотя и был личностью, возвышенной над своими подданными, тем не менее не боялся показывать эмоции, будучи более открытым, согласно принятым во Франции правилам. В качестве еще одного отличия и особенностей испанского церемониала можно выделить место и отношение к придворным шутам. При испанском дворе шуты занимали важное место в окружении монарха и даже имели высокое жалованье. Более того, Филипп IV велел своему придворному художнику Диего Веласкесу увековечить черты своего шута, как увековечивались образы членов королевской фамилии [4, с. 60]. Действительно, во второй половине

30-х гг. XVII в. Веласкес активно писал портреты придворных шутов, карликов и уродов. Данный цикл из более чем десятка полотен создавался на протяжении свыше четверти века и является вершиной драматического восприятия художником человеческой личности [2, с. 236]. Несмотря на то, что испанский церемониал был весьма строгим, в действительности он имел множество негласных отступлений. Например, зачастую нарушались правила «придворных ухаживаний» (galanteo en palacio) — искусства открыто флиртовать с придворными дамами [4, с. 61]. Так, придворные кавалеры, беседуя с фрейлинами в покоях королевы, имели право даже не снимать при ней головного убора, тихо беседуя с молодыми девушками, для которых являлись верными кавалерами.

Подводя предварительный итог, мы можем сказать, что придворный этикет обеих стран в XVI–XVII вв., имеющий еще бургундские корни, обладал схожими чертами. Представляется, что речь идет именно о взаимовлиянии рассмотренных дворов. Однако очевидно, что особенности каждого из них определялись в том числе личностными качествами монархов. Так, по замечанию немецкого социолога Н. Элиаса, Людовик XIV не создал механики церемониала, но благодаря особым возможностям, предоставляемым его социальной функцией, он использовал, укрепил и развил ее, причем со своей, новой точки зрения [15, с. 112]. На наш взгляд, важно обращать внимание на то, как на деле церемониал применял тот или иной правитель. Если рассматривать результаты придворной политики французских королей, Валуа и Бурбонов, то они совершенно разные, притом что в нормативно-правовой основе этой политики использовался один регламент.

В целом при испанском и французском дворах имели место общие и различные характеристики этикета, что, безусловно, говорит об организационной и функциональной близости обоих дворов, при этом очевидно, что пути эволюции дворов разошлись именно в XVI–XVII вв., что предопределило особенности развития французской и испанской монархий в Новое время.

***Литература***

1. *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. Т. 2. Сокр. пер. с исп. Е. Л. Глушицкой, Р. И. Линцер и Н. Б. Томашевского / под ред. З. В. Мосиной. М. : Изд-во иностранной литературы, 1951. 359 с.
2. *Брагина Л. М.* и др. История культуры стран Западной и Центральной Европы в XVII веке. СПб. : Наука, 2017. 589 с.
3. *Ведюшкин В. А.* Система государственного управления в Испании в раннее Новое время (конец XV–XVII вв.) // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 436–456.
4. *Дефурно М.* Повседневная жизнь Испании Золотого века. М. : Молодая гвардия, 2004. 316 с.
5. История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 720 с.
6. *Маргарита де Валуа.* Мемуары. Избранные письма. Документы / перевод, прим., ст., публ. В. В. Шишкина, при участии Э. Вьенно и Л. Ангара. СПб. : Евразия, 2010. 352 с.
7. *Ришелье, Арман-Жан дю Плесси.* Политическое завещание, или Принципы управления государством / под ред. Л. Л. Головина. М. : Ладомир, 2008. 496 с.
8. *Сен-Симон Луи.* Мемуары. 1691–1701 / изд. подг. М. В. Добродеева, В. Н. Малов, Л. А. Сифурова. М. : Ладомир; Наука, 2007. 992 с.
9. *Сидоренко М. А.* Король танцует: политический театр королевской власти Франции при Людовике XIV. СПб. : Наука, 2019. 281 с.

10. *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М. : Наука, 2008. 313 с.
11. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.
12. *Шишкин В. В., Дюпон-Мадинье А.* Временные резиденции королевы Наваррской в 1586 г. (замки Сент-Аман-Мюроль и Сен-Сатюрнен) // Золотой век европейской монархии. Политическая культура Средневековья и раннего Нового времени / под ред. И. И. Варьяш, А. Ю. Серегиной. СПб. : Евразия, 2019. С. 48–59.
13. *Шишкин В. В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб. : Евразия, 2004. 288 с.
14. *Шишкин В. В.* Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб. : Евразия, 2018. 544 с.
15. *Элиас Н.* Придворное общество / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона и др. М. : Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
16. *Louis XIV.* Mémoires. Suivis de Maniére de montrer les jardins de Versailles / Louis XIV. Paris : Tallandier, 2007. 353 p.
17. *Rio Barredo M. J. del, Dubost J.-F.* La presence étrangère autour d'Anne d'Autriche (1615–1666) // Anne d'Autriche. Infante d'Espagne et reine de France / Éd. M. Da Vihna. Paris : Perrin, 2009. Pp. 110–146.